

Преподаватель
Владивостокского
государственного
университета

О. Ш. Надибандзе

Обращение: его смысловые и конструктивные возможности в тексте

Обращение постоянно привлекает внимание лингвистов. Существует достаточно обширная библиография по проблемам, касающимся функций обращения, сопровождающей его интонации, формального выражения обращения, его стилистических особенностей. Тем не менее синтаксическая природа обращения и его конструктивные возможности еще не выяснены с достаточной полнотой.

Известно, что такие русские ученые, как А. А. Шахматов и А. М. Пешковский, не относили обращение к составу предложения, при котором оно употребляется, на том основании, что обращения, не будучи связаны с какими-либо членами предложения в порядке согласования, управления или примыкания, остаются элементами, внутренне чуждыми «принютившему» их предложению [1; 2, с. 464]. Есть и другие точки зрения: одни считают обращение особым членом предложения, другие рассматривают обращение как самостоятельное предложение (высказывание) [3, 4].

Характер связи обращения с предложением, при котором оно употребляется, также понимается по-разному. А. М. Пешковский считал, что при отсутствии формально-грамматической связи обращение может быть «вещественно», т. е. по смыслу связано с остальной речью [2, с. 468]. К этой точке зрения склоняются и некоторые современные лингвисты, полагающие, что между обращением и членами предложения существует связь «согласования по смыслу», не считая, однако, эту связь грамматической [5, с. 15]. Другие, кроме смысловой связи обращения с остальным составом предложения, называют еще связь функциональную и интонационную [4,

с. 117]. Однако существует и такая точка зрения, согласно которой между обращением и остальной частью предложения есть грамматическая связь. Одни лингвисты называют эту связь соотносительной, другие считают, что грамматическая связь с другими членами предложения у обращений осуществляется на базе общей семантики 2-го лица ед. и мн. числа [6, 7].

Проблема обращения может предстать и в несколько ином аспекте. Речь идет о многочисленных и разнообразных текстовых реализациях обращения в функции называющей словоформы¹.

Для иностранцев, изучающих русский язык, обычно не представляет трудности выделение обращения в тексте, освоение его интонации, его вокативных вариантов, однако из поля зрения изучающих русский язык в качестве неродного часто выпадают функции, которые делают его категории стилистически и функционально насыщенными, раздвигают границы его традиционных назначений и вводят его в круг категорий эмоционально и художественно значимых. Задача настоящей статьи — показать функции обращения, которые оно приобретает в структуре художественного текста, охарактеризовать его коммуникативные и эстетические возможности.

Основной теоретической предпосылкой будет понимание текста как минимальной словесной последовательности, характеризующейся собственным конструктивным ядром². В нашем случае таким конструктивным ядром, семантическим центром, служит называющая словоформа в позиции обращения.

В «Русской грамматике» (в главе «Распространение предложения включением обращения») отмечалось, что в художественной литературе функции обращения расширяются и обогащаются и что при этом основная функция адресования речи у обращения часто не только не является единственной, но и оказывается ослабленной или преобразованной [10, с. 165].

Взгляд на обращение как на смысловое ядро текста — это, вероятно, наиболее точная интерпретация фактов текстового употребления обращения. Такой подход помогает объяснить функциональное преобразование обращения в художественной речи, увидеть связи между обращением и остальной частью текста.

¹ Под называющей понимается словоформа, служащая для обозначения предмета мысли и речи. В тексте называющая словоформа занимает различные синтаксические позиции и несет разнообразные смысловые нагрузки.

² В этом определении мы опираемся на работы по тексту [8—10].

При этом уясняется функциональная нагрузка обращения в пределах более широких, чем предложение.

Являясь называющей формой и выполняя свою первичную функцию — именованья адресата речи, обращение в разном словесном окружении может реализовать различные свои семантические возможности. При этом активно действует его собственно-называющий потенциал. Вследствие взаимодействия семантики называющей формы с семантикой других единиц в тексте нередко возникают смысловые связи, которые в конечном счете создают его смысловое единство. Ниже рассматриваются такие текстовые возможности обращения.

Одним из весьма частых функциональных осложнений обращения в тексте является функция введения темы.

Сибирь. Сибирь. Родина, студеная чадонская земля моя, зачем я покинул тебя. Детство мое, школа, весны и зимы, дожди, под которые мы выбегали с крыльца босиком. Огромная, неписаной тишины Барабинская степь и Чулымские озера, за которыми стелются и влекутся на запад воспетые центральные земли Руси (В. Лихоносов).

Жизнь моя,

ты прошла, ты прошла,
ты была не пуста, не пошла.
И сейчас еще ты,

точно след —
след ракетно светящихся лет.
Но сейчас ты не путь,

а пункт
по дуге скоростного пути.

(С. Кирсанов)

Вводя тему, обращение называет предмет мысли, который в последующем изложении комментируется, характеризуется. Весь текст представляет собой поэтому ступенчатое развертывание информации об этом предмете. Этот принцип построения текста объединяет все подобные факты. Однако информация о предмете мысли и речи может быть подана по-разному. При этом выявляются разные типы семантического и конструктивного соотношения называющей словоформы и остальной части текста. Обращение выступает в функциях: 1) заголовочной; 2) называния характеризваемого предмета; 3) субъекта — носителя признака; 4) порождения образа. Рассмотрим эти типические употребления.

1) *Остров, воспетый остров, республика академиков и лоцманов!* Никакими брандспойтами не смыть с тебя прекрасного твоего обольщения. Печальные корабли стародавней

стройки одиноко удаляются отсюда в неизвестность, доморощенные капитаны, завернувшись в угловатые резиновые дождевики, осеняют крестиками пряжки своих поясов, и в кирках служатся суровые мессы, и бородастый звездочет поворачивает обсерваторские телескопы, и аспиранты поводят головами следом за флюгером метеорологической вышки, и заводы, как курильщики, грустно выпускают зеленоватые колечки хлористых отбросов (К. Федин. Братья).

Функцию обращения в подобных случаях можно обозначить как заголовочную: «все, о чем пойдет речь дальше, будет об острове». Таким образом, весь текст строится как описание того, что стоит в обращении — «заголовке».

Как известно, вокативное отношение — это отношение между 1-м и 2-м лицом в момент реального или воображаемого говорения. При рассмотрении подобных фактов возникает вопрос: сохраняется ли это отношение в данном случае. По-видимому, здесь происходит максимальное устранение 1-го лица (автора речи); возникает ощущение, что одного звена этого отношения нет, а есть только отношение, которое можно выразить так: «остров — ты», и далее — информация «о тебе», т. е. об острове. Следовательно, в этом случае нарушаются функциональные отношения, характерные для обращения как такового. Именно поэтому оно становится как бы квазиобращением. Это подтверждается тем, что местоимение 2-го лица выполняет здесь собственно-субъективную функцию и выполняет конструктивную роль в строении этого типа текста.

2) *Унылая пора! очей очарованье!*

Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.

(А. Пушкин)

Последующий текст здесь — это функциональная и качественная характеристика того, что называется в обращении. Нередко трудно расчленить эти два структурных типа, связанные: первый — с информацией о субъекте, второй — с его квалифицирующей характеристикой. Однако, как видно из последнего примера, здесь не ощущается того смыслового нарушения между 1-м и 2-м лицом, о котором говорилось выше, и поэтому этот признак может помочь при классификации подобных фактов.

- 3) *О боль*, ты — мудрость. Суть решений
перед тобою так мелка,
и осеняет темный гений
глаз захворавшего зверька.

(Б. Ахмадулина)

О, память сердца! Ты сильней
Рассудка памяти печальной,
И часто сладостью твоей
Меня в стране пленяешь дальней.

(К. Батюшков)

Здесь между обращением и последующей частью текста устанавливаются субъектно-предикатные отношения: 'боль — это мудрость'; 'память сердца сильнее памяти рассудка'. При этом местоимение 2-го лица выполняет роль связующего элемента. Общая семантика «отношение между субъектом и его признаком» объединяет все факты этого типа, однако и здесь соотношение между называющей словоформой и последующим текстом может быть различным: в последующей части текста содержится информация о субъекте или через идентификацию с чем-либо, или через установление черт сходства, подобия. Для поэзии весьма характерно окказиональное отождествление.

- 4) *О одиночество*, как твой характер крут!
Посверкивая циркулем железным,
как холодно ты замыкаешь круг,
не внемля увсереньям бесполезным.

(Б. Ахмадулина)

Здесь обращение, оказываясь семантическим центром текста, определяется через развернутый образ. Легко заметить особенности лексической организации этого текста. Сошлемся на мнение И. Р. Гальперина, который пишет, что в силу своей строгой структурной организованности поэтическая речь выявляет скрытые свойства текста более ощутимо, чем прозаическая. Поэтому нужно вникнуть в те отношения, которые при такой организации возникают между словами, между отдельными частями предложения и между предложениями. Это возможно только при условии существования каких-то необозначенных, лишь угадываемых синтаксических и смысловых связей [11, с. 32—33].

Вернемся к нашему примеру. Как видно, обращение называет то, что далее раскрывается через образ. Здесь очевидно особое семантическое соотношение частей: одиночество в последующей части текста представлено в образе холодного, неумолимо замкнутого металла круга. Все четыре строки несут семантическую нагрузку в развитии этого образа;

выстраивается смысловая цепочка: крутой характер одиночества — железный циркуль — замыкание холодно — круг; причем summative word³ в этом четверостишии — это сразу два слова — *циркуль* и *круг*.

Таким образом, смысловые связи между обращением и последующей частью текста оказываются различными.

К введению темы близки случаи, когда основной функцией обращения в тексте оказывается название предмета мысли, от которого автор отталкивается в своих последующих рассуждениях.

Весна, весна, пора любви,
Как тяжело мне твое явленье,
Какое томное волненье
В моей душе, в моей крови...
Как чуждо сердцу наслажденье...
Все, что ликует и блестит,
Наводит скуку и томленье.

(А. Пушкин)

О Грузия, лишь по твоей вине,
когда зима грязна и белоснежна,
печаль моя печальна не вполне,
не до конца надежда безнадежна.

(Б. Ахмадулина)

Некоторые лингвисты говорят об обращении в таких случаях как о форме, звательная функция которой имеет фиктивный характер. При этом считается, что такие обращения представляют собой особый литературный прием олицетворения, при помощи которого писатель получает возможность сделать предметами непосредственного речевого контакта вещи и явления, выразить наиболее полно к ним свое отношение [12, с. 69]. Разделяя это мнение, мы полагаем, что объяснение этого явления можно найти и в самом языке. Обращение в художественной речи обладает гибкой смысловой структурой, следствием этого нередко является тенденция к нарушению смыслового соотношения, устанавливаемого между 1-м и 2-м лицом вокативного диалога. Эта тенденция проявляется либо в максимальном устранении 1-го лица, когда в обращении доминирует информативно-содержательный план, либо в максимальной стертости 2-го лица, — при этом господствует содержательный план, отнесенный к 1-му лицу (к субъекту речи).

³ Термин summative word использует И. Р. Гальперин. В английской поэтике им обозначается слово, вбирающее в себя основную идею и звуковую основу всего стихотворения — непосредственно или опосредованно [11, с. 37].

Эти возможности возникают благодаря тому, что поэтический текст (особенно лирика) не предполагает в основном реального собеседника. Если в реальной коммуникативной ситуации обращающий речь и тот, к которому обращена речь, сочленены в единой коммуникативной ситуации, то в поэзии ситуация общения оказывается ирреальной, мнимой, в коммуникативном плане она оказывается несуществующей. Именно в силу возникающей при этом неравноположенности собеседников происходит смещение ролей автора речи и адресата.

В цитатах, которые приведены здесь, на первое место выдвинуто 1-е лицо, в то время как значение 2-го лица ослаблено. Такое строение подчинено коммуникативному заданию текста, в данном случае — выражению авторского «я».

Есть еще одно характерное явление, связанное с функцией обращения в художественной речи: обращение может сосредоточивать в себе центральную часть сообщения.

*О дни, где утро было рай,
И полдень рай, и все закаты!
Где были шпагами лопаты
И замком царственный сарай.
Куда ушли, в какую даль вы?
Что между нами пролегло?
Все так же сонно-тяжело
Качаются на клумбе мальвы...*

(М. Цветаева)

Есть и более сложные структуры с обращением в этой функции. Например:

*Вь, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса,
И чьи глаза, как бриллианты
На сердце оставляли след, —
Очаровательные франты
Минувших лет!*

(М. Цветаева)

Такое обращение, как правило, осложненное распространителями с придаточными предложениями, заключает в себе собственно предмет речи, сама же «обращенная» речь или вовсе отсутствует, или часто содержит авторский комментарий, или просто сводится к словам-приветствиям. Отсутствие «обращенной» речи здесь функционально не только объяснимо, но и предопределено: за счет информативной насыщенности и сложной организации пространственного обращения «обращенная» речь сокращена до минимума: информация,

которую она должна была бы передать, уже присутствует в структуре самого распространенного обращения. В связи с этим В. И. Чернышев писал: «Интересен разговорно-риторический оборот с распространенным независимым обращением, т. е. не включенным в следующее за ним предложение:

*Но вы, любимцы Феба,
Вы, вместе с жизнью принявшие от неба
И дум возвышенных, и сладких песней дар!
Враждующей судьбы не страшен вам удар.*

(Е. Баратынский)

Местоимение *вы* в значении подлежащего заставляет ожидать при себе какое-то сказуемое, но его нет: сочетание оканчивается новым предложением, которое имеет с обращением смысловую связь, но не грамматическую [13, с. 136].

Может возникнуть сомнение: правомерно ли говорить в данном случае об обращенности речи, остается ли в силе апеллятивная функция обращения? А. М. Пешковский писал: «Интонация обращения... по мере удаления от личного слова (*ты* или *вы*) и разрастания оборота постепенно переходит в интонацию параллельного обособленного члена, потому что звательная интонация, по самому существу дела, приспособлена только для кратких сочетаний, и выдержать ее на большом протяжении невозможно» [2, с. 469]. Ослабляется не только интонация, видоизменяется само назначение этой формы. По сути своей, как это уже отмечалось, — это квазиобращение, так как здесь у него особые задачи: оно либо несет основную информацию и служит смысловым ядром текста, либо выступает в своей изначальной функции — называющей, либо, наконец, совмещает то и другое. Интересно, что обращение при этом сохраняет свои формальные признаки: оно регулярно поддерживается личными местоимениями ед. и мн. числа, а также сочетаниями существительного с притяжательным местоимением.

Обращение в языке выполняет несколько функций: оно выступает как элемент речевого этикета; выполняет функцию выделительную, уточняющую адресата речи; характеризует или оценивает (эти общезыковые функции нами не рассматривались). В границах текста, в художественной речи, обращение, сохраняя свою главную функцию — адресования к лицу или предмету, — не только осложняет ее, но и ослабляет и даже преобразует. Обращение служит разворачиванию текста, строит его смысловую перспективу. Это позволяет рассматривать обращение как синтаксическую единицу с богатыми смысловыми и конструктивными возможностями.

ЛИТЕРАТУРА

- 1
Шахматов А. А.
Синтаксис русского языка. — М., 1941;
- 2
Пешковский А. М.
Русский синтаксис в научном освещении, 3-е изд. — М.-Л., 1928;
- 3
Проницев В. П.
Синтаксис обращения. — Л., 1971;
- 4
Абрамова А. Т.
К вопросу об обращении в современном русском языке. — В кн.: Славянский сборник. Вып. II филолог. Воронеж, 1958;
- 5
Юдкин И. Е.
К вопросу об обращении: Автореф. канд. дис. — Тбилиси, 1956;
- 6
Руднев А. Г.
Обращение. — В кн.: Ученые записки ЛГПИ, № 104. Л., 1955;
- 7
Мизин О. А.
Структурно-семантические и функциональные особенности обращений в публицистическом стиле русского языка: Дис. канд. филол. наук. — Брест, 1973;
- 8
Москальская О. И.
Грамматика текста. — М., 1981;

- 9
Гальперин И. Р.
Текст как объект лингвистического исследования. — М., 1981;
- 10
Русская грамматика, т. 2. — М., 1980;
- 11
Гальперин И. Р.
Глубина поэтического текста. — В кн.: Теория языка. Англистика. Кельтология. М., 1976;
- 12
Максимов Л. Ю.
Обращение в стихотворной речи. — В кн.: Уч. записки МГПИ им. В. И. Ленина: Современный русский язык. № 326. М., 1965;
- 13
Чернышев В. И.
Грамматические особенности языка Е. А. Баратынского. — В кн.: Избранные труды, т. 2. М., 1970.

Критика и библиография

В. Л. Скалкин Основы обучения устной иноязычной речи. М., 1981

В 1981 г. в издательстве «Русский язык» вышла в свет книга В. Л. Скалкина «Основы обучения устной иноязычной речи».

В рецензируемой книге предпринята попытка многостороннего обоснования методики обучения устной речи с учетом новейших подходов и методов.

Книга состоит из двух частей. Первая часть посвящена анализу коммуникативных, психологических и лингвистических основ обучения устной речи и включает две главы.

В главе I («Основные компоненты и категории устнойязычного общения») рассматриваются формы и виды устнойязычного общения и определяется содержание условий осуществления коммуникативного акта, к которым автор относит: говорящего, или передающего сообщение, слушающего, или воспринимающего это сообщение, владение коммуникантами общим кодом, каналы связи и коммуникативную ситуацию.

При анализе первых двух условий большое внимание уделяется психолингвистическому объяснению процессов порождения и восприятия речи. Автор приходит к выводу о необходимости обучать не только говорению и слушанию, но и коммуникативным ролям говорящего и слушающего, причем подчеркивается необходимость создания специальных приемов работы для обучения аудированию.

При рассмотрении третьего условия осуществления коммуникации — наличия общего для коммуникантов кода — автор выделяет особенности языка, вытекающие из его сущности как средства общения, как парадоксальной информационной системы — эпидигмы, усваиваемой в процессе коммуникации путем

